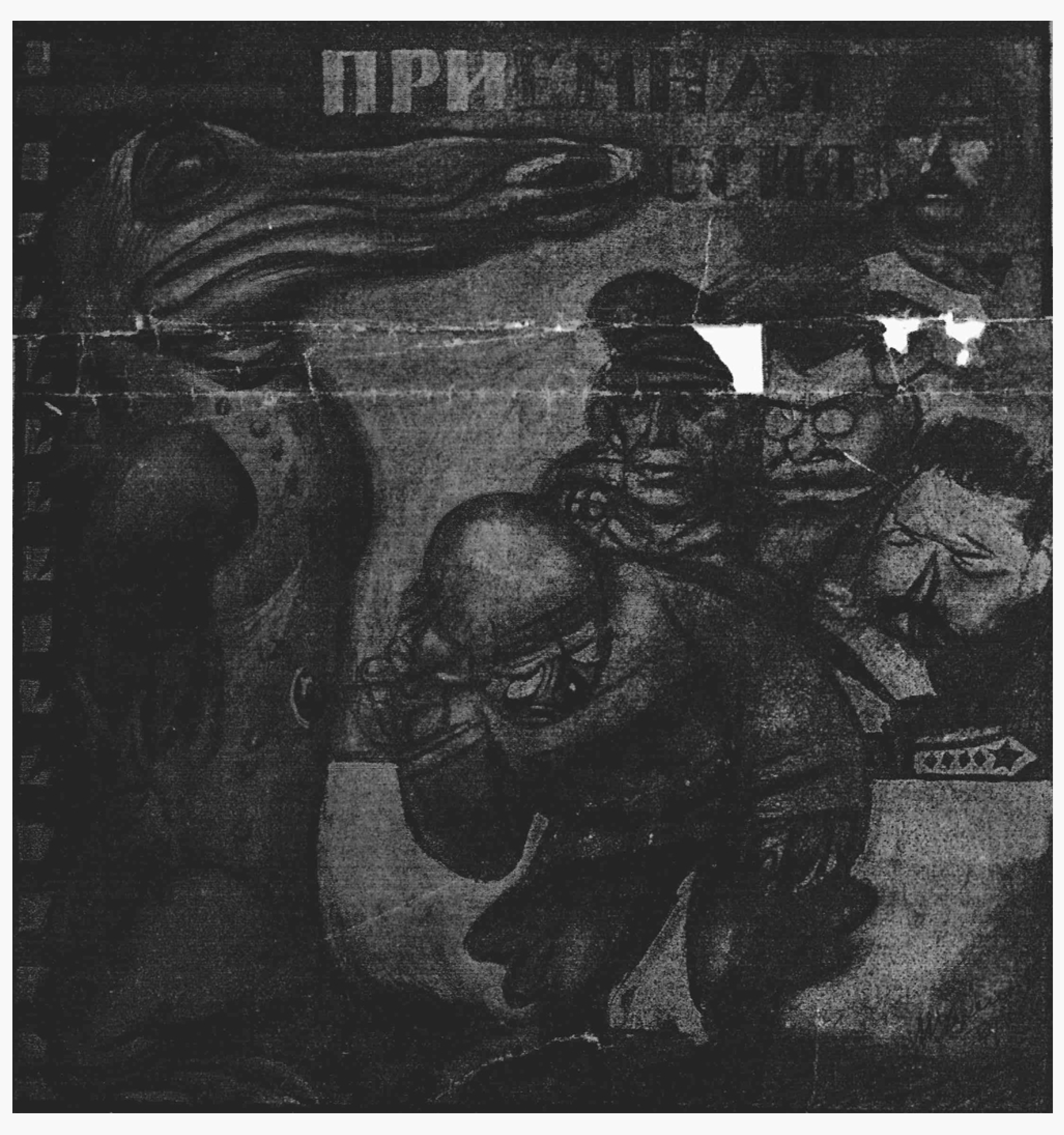
июля 1924 г. № 1. Цена 5 коп.

КРАСНОАРМЕЙСКИЙ КРОКОДИЛ

ПРИЗЫВ КРОКОДИЛА.

Рис. М. Черемных.

…миссия: — Ну, как?..

…ч. — Годен.

РЕВВОЕНСОВЕТУ РЕСПУБЛИК

РАПОРТ.

Доношу, что сего числа прибыл в ваше распоряжение и вступил в исполнение своих обязанностей.

Красноармейский Крокодил.

Москва, 26 июля 1924 г.

Иван на царской войне.

В некотором царстве, в некотором государстве жил был мужик Иван. Изба у него стояла на самом краю,—в два окна, соломой крыта,—и была у него скотинка—кобель на трех ногах, да скворец каждую весну прилетал в Иванову скворешню.

Жил Иван, работал, с года на год кой-как поворачивался—а вот пришел такой год, что об'явил его царь другому царю войну. Позвали и Ивана. Пришел царский урядник:

— Тебе воевать итти!

— Я пойтить-то—пойду, — говорит Иван — только скажи ты мне, из-за чего эта война?

— Вот придешь на сборный пункт, там узнаешь!

Взял Иван сумку с сухарями и пошел в город на сборный пункт. Там набралось таких Иванов с тысячу, Иван к каждому пристает:

— Из-за чего мы воюем? А?

Никто ничего не знает. Дошла до него очередь лоб-рить—он [illegible] о том же спросил.

— Мо[illegible]и, з[illegible] —ответили [illegible] от приедешь на фронт—узна[illegible]шь!

— Ну—думает Иван - я все [illegible] и доберусь до этого дела.

Был у него один день свободный—другие к женам прощаться идут, а Иван по дороге зашел к своему барину: в том же селе стояли бариновы деревянные хоромы.

— Скажи, из-за чего война?

Барин сидит, заграничное вино пьет. Выслушал Ивана, усмехнулся:

— А тебя что—на войну гонят? Иди, там узнаешь!

Назначили в полк—офицера о том же спрашивает.

Офицер сердитый такой:

— А под арест не хочешь?

Потом смилостивился:

— Вот в бой пойдешь, так узнаешь!

Только и в бою Иван ничего не узнал—не помнит, как его и с поля унесли—а проснулся—нога отрезана и вместо ноги дали костыль.

— Совсем я, как мой кобель безногий, пошутил Иван и у товарищей спрашивает:

— Война-то кончилась?

— Кончилась—говорят.

— А не знаете, из-за чего это мы воевали?

— Где ж—говорят—нам знать—вот вернемся домой узнаем!

Приехал Иван домой. У барина вместо деревянных хором хоромы каменные—а Ивана в те каменные хоромы и не пустили.

— Проходи, нищим не подаем!

Подходит к деревне. Видит домишко его еще больше на бок покосился, жена померла, ребятишки по миру ходят.

У избы—странник сидит с котомкой—видать городской, а кто такой—Иван не знает. Поклонился ему Иван:

— Скажи, говорит, добрый человек—из-за чего я воевал, ногу потерял?

Усмехнулся тот:

Показал сначала на Иванову избу, потом на бариновы каменные хоромы.

Из-за того, что видишь!

Тут только Иван все понял.

Матвей Кредит.

НОВОБРАНЦЫ.

(Частушки).

Ты, гармошка, запылай—
Сыпь горошком танец.
Разошелся Ермолай,
Красный новобранец.

Выше нос! Дугою грудь!
Не смотрите клецкой!
Чтоб квашней не мог ругнуть
Нас товарищ Троцкий!

Еремей, вступивши в рать,
Учится ретиво:
Дослужиться хочет, знать,
До поста начдива!

Новобранец кажный рад
С белыми сражаться...
Вздуть-бы сотню буржанят,
Чтоб практиковаться!

В полк пришел в лаптях Антон,
Рохлей и растяпой.
А теперь в герои он
Лезет тихой сапой!

Сеня, выставивши грудь,
Разошелся мигом:
— Отличуся где-нибудь,—
Сделают комбригом!

С непривычки лишь Пахом
Спутал дело трошки,
Начал щи хлебать штыком
И стрелять из... ложки!

Ничего! была-бы прыть!
Нам не надо славы.
Научиться-б только бить
Белые оравы!

Я письмо вам покажу,—
Дед писал Степану:
— Как себя омоложу,—
Новобранцем стану!

Васька ноне сваху—брык!
Отшивает ловко:
— Моя милка—красный штык
А жена—винтовка!

Новобранца одного
Чуть не испужали:
Тут неграмотность его
Вдруг атаковали!

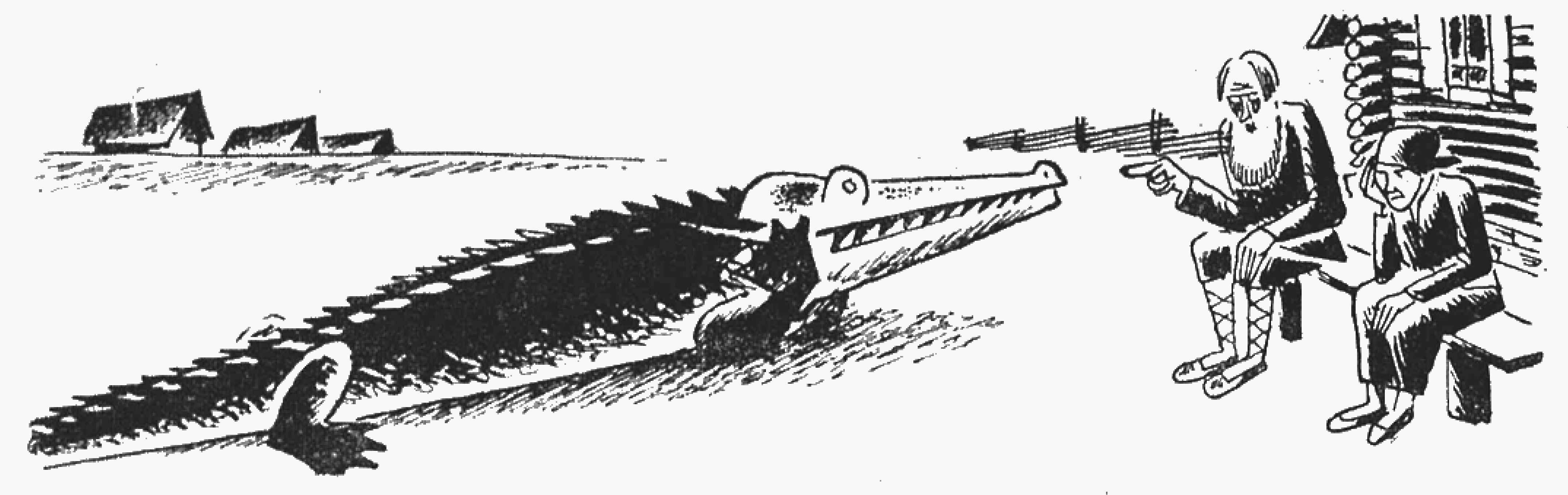
— Букварем по парню,—пли!
Жарь его газетой!
Из башки-то извлекли
Тьму атакой этой!

Жарь, гармонь, веселый пляс!
Ноги, рвись от пола!
В Красной армии у нас—
И семья и школа!

Красно

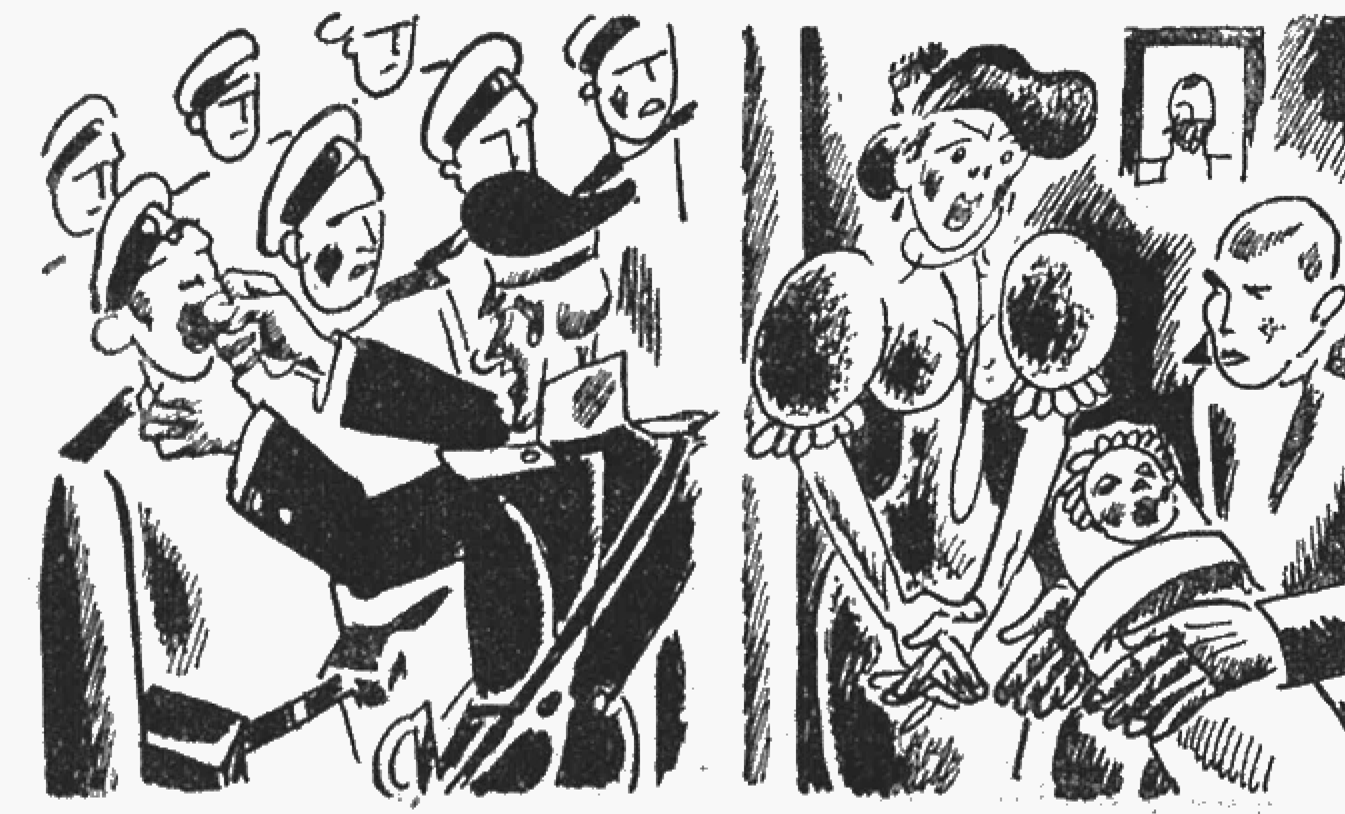
КАК КРОКОДИЛ В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ УХОДИЛ.

Рис. Д. Мельникова.

Дед рассказывал, а бабка только выла,
Провожая в путь-дорогу Крокодила

Дряхлый дед, ведь, сам служил когда—то
И прошел всю выучку солдата.

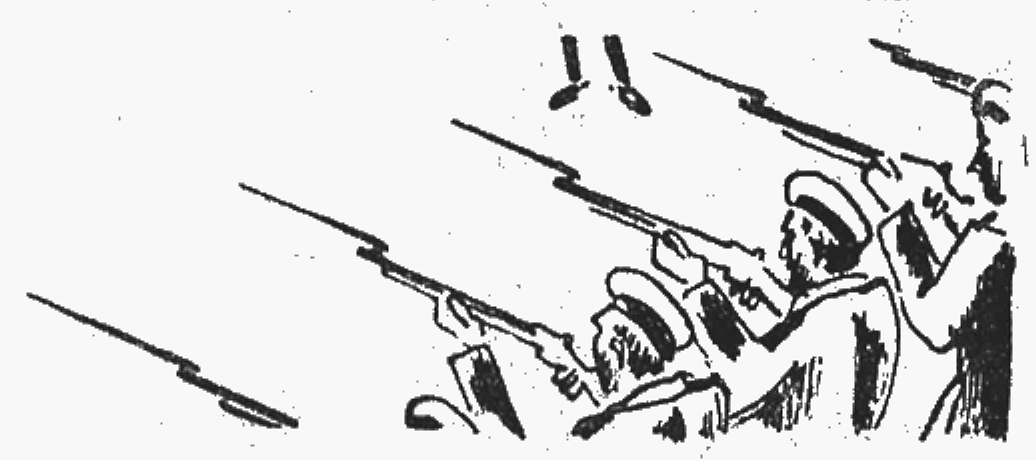

Первым делом снимут с тебя кожу,
Ротный даст тебе два раза в рожу.

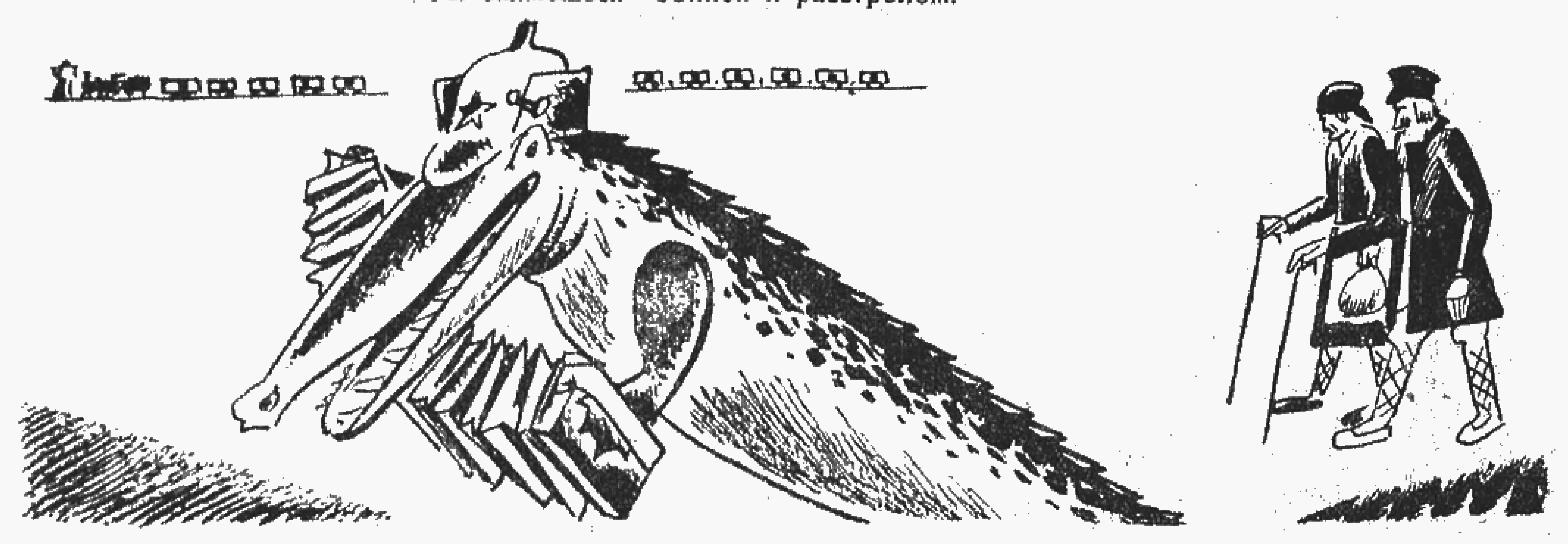
Деревенских вшей отмоют в баньке
И сдадут служить заместо няньки.

Будешь царским форменным воякой
На одной на линии с собакой.

А порой своим военным делом
Ты займешься—бойней и расстрелом.

Кончил дед и выдал на дорожку
Крокодилу новую гармошку.

— Ну, плыви, брат, в няньки к генеральше!
Где он будет мы расскажем дальше.

ОТ РЕДАКЦИИ. В след. № будет рассказано о прохождении Крокодилом службы в Красной армии.

Рис. В. Иконникова.

(не фантазия, а действительность).

„Такие случаи бывают, конечно, не часто, но они лишний раз доказывают колоссальную пользу авиации".
Смоленская газ. „Рабочий путь". № 124.

1.

Ночью комиссар Смоленской Н-ой авио-базы тов. Гуданов проснулся от нечеловеческой боли. Что то нестерпимо душило его изнутри. Глаза его закатились, волосы стали дыбом.

— Доктора—прохрипел он—я проглотил... вставленные зубы...

Ждать нельзя было ни одной минуты. Были вызваны лучшие профессора.

2.

— Невиданный случай, сказали они. Но у нас нет инструментов. Не волнуйтесь. Спокойствие. В области пищевода судорож...

— О наша культурная отсталость!—проскрежетал оставшимися зубами военком и впал в бессознательное состояние.

Он был на краю смерти.

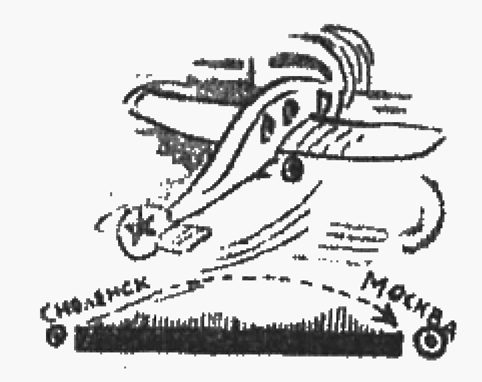
3.

— Есть! буркнул коротко летчик.—Клянусь всеми дьяволами, что через два часа он будет в Москве.

Мощная машина уже гудела. Зрители плакали.

— Он будет жив, я это знаю из верных источников—сказал переписчик базы, закуривая папиросы... Часы прохрипели ровно 4.

4.

— Крути, Гаврила!

Через 2 часа 20 минут санитарный автомобиль мчал умирающего в Солдатенковскую больницу.

— Дайте инструменты—коротко скомандовал профессор. Розанов, надевая халат. Современная наука справится с этими зубами.

5.

Особым инструментом он начал дробить застрявшие зубы. Резкое движение... и на блестящей стали появились зубы военкома Гуданова.

— Да здравствует наука и революция!—воскликнул Гуданов, обливаясь потом. Да здравствует авиация!

— Заказывайте зубы только в государственных мастерских—сказал ассистент, вытирая инструменты.

6.

— Крути, Гаврила!

Тов. Гуданов любовался сказочным ландшафтом. Рука его нежно гладила самолет. Солнце восторженно смеялось, внизу пели птицы. Гудел самолет.

7.

— Прилетел. Ну, как ваше здоровье, тов. Гуданов?

8.

В редакцию газеты „Рабочий путь".

... такие случаи бывают не часто, но они доказывают всю конкретную важ-

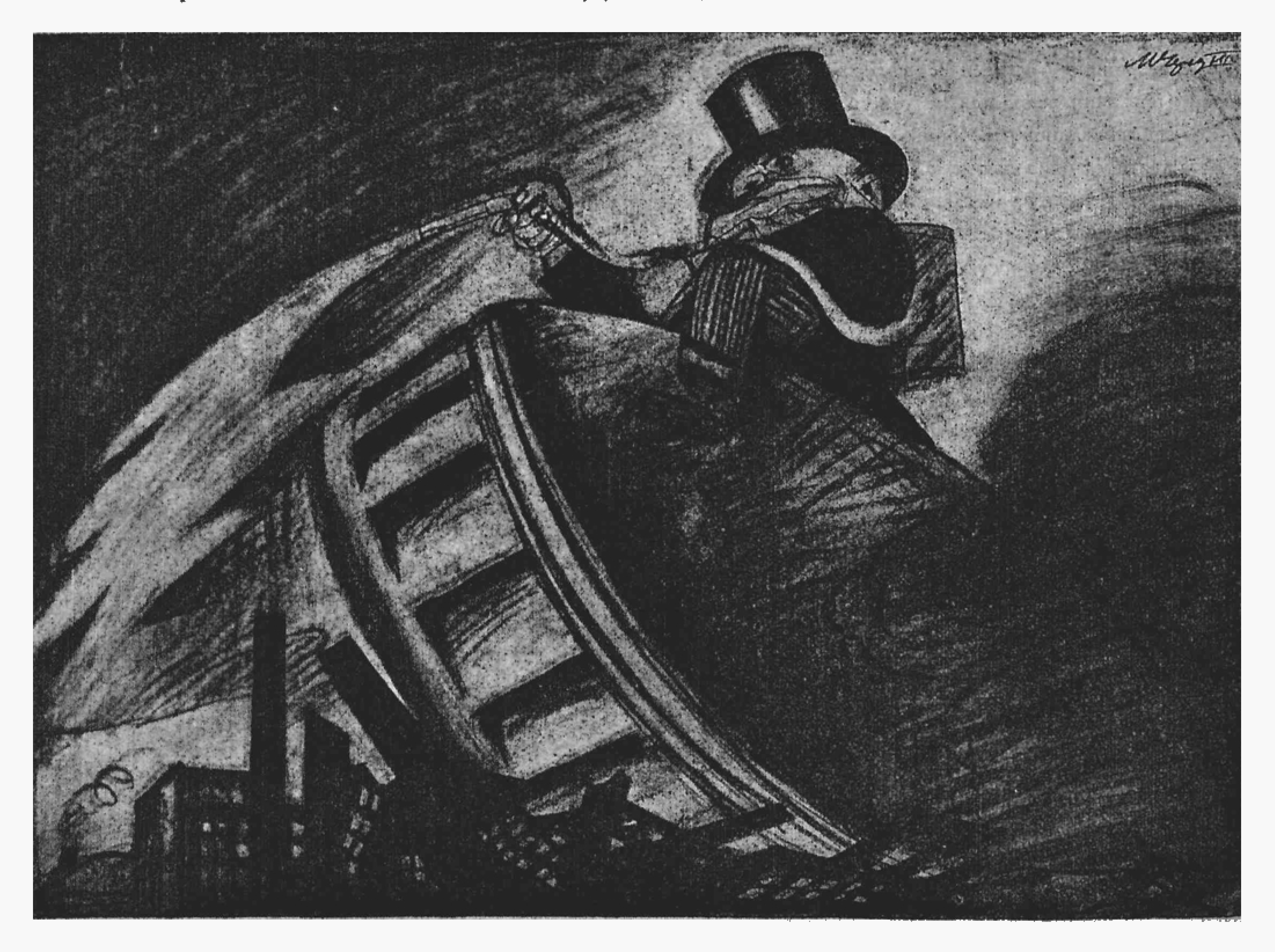
ность авиации... Немедленно, всеми силами помогайте строить воздушный флот.

Записывайтесь в члены О. Д. В. Ф!

Н. Зарудин.

Рис. М. Черемных.

ГРЯДУЩЕЕ.

Рыжий агитатор.

— А как ты, голова, в большевики-то пошел? Кто тебя научил-то?

— Поп меня научил. Вот кто...

В дымной караулке все засмеялись.

— А ты не бреши! Расскажи толком. Агитатор тебя научил?

— Вот, раззявы! Говорю, поп, а вовсе не агитатор. Я вам сейчас расскажу, как было дело.

Вася нагнулся к печи, достал уголек, обжигая пальцы, закурил кручейку и начал.

— Так, вот ребята. Слушайте, как поп обратил меня в большевицкую веру. Осенью 19-го года полк наш, сказать по-просту, бежал, намазавши пятки от Шкуро. Ни отдыху ни сроку. Шли и днем, шли и ночью. А он не отрывался. Прет и прет. Проходили мы Мало-Архангельское—не то село, не то городишко, недалеко уж от Орла. Тут я стер себе ноги, в лузгу. Пошел я с двумя товарищами по роте разживиться у баб портянками, да и застряли по одному веселому делу...

— А ты и тогда ходок был, Васька, по этой линии,—заржали ребята.

— Ничего позорного—все подобрано. Тогда я дурак еще был. Застряли мы на ночевку, а полк ночью ушел. Ночью же прошли здесь и белые, а мы спим в овине, ничего не знаем. Утром встали, а нам бабы говорят—„вы теперь у белых, переодевайтесь в мужицкое". Дали нам кой-какие тряпки. Амуниция у нас была хоть и неважная, но мы ее на всякий случай попрятали. Вышли на огороды, подходим к дороге... стой!—белый патруль. „Кто вы такие?" А мы не сплошали: „мобилизованные перебежчики. От красных,—говорим,—удрали, домой в Обоянь". Нас арестовали и послали в Курск. Там было много пленных красноармейцев. В первый же день к нам в лагерь пришел поп. Выгнали нас всех во двор. Поп служил молебен и кропил нас, словно чертей, водой. Говорил нам проповедь. „Зачем, говорит, восстал брат на брата, из'явший меч от меча и погибнет. Христос не велел воевать, а велел любить",—и все такое. Долго говорил. Я еще тогда подумал: „а, ведь, пожалуй и правду поп говорит, на кой-же мне пес воевать?". Сознательности-то во мне не было. Живем мы в лагере день, два и три. Что же с нами будут делать? В воскресенье приходит приказ выдать обмундирование, продукты на 3 дня и послать нас на фронт. Белым оказывается было туго под Орлом и надо было срочное пополнение. Только что мы попримерили обмундирование, зовут нас на двор. „Напутственный молебен",—говорят. Вышли. Смотрим, тот же рыженький лысый поп. Опять кропил нас водою и опять говорил проповедь. Но говорил, рыжий пес, про другое. „Воздвигну полки своя на полки диавола, несу вам не мир, а меч", вы, говорит, теперь воины Христа и должны истреблять врагов его и священной собственности, т.-е. антихристов - большевиков. Мы так рот и разинули. Ага! Так вот оно что! Когда мы были красноармейцы, так ты нам пел о любви к врагам своим, а когда на нас надели белогвардейские погоны, так ты нас благословляешь на бой. Ну, ладно! Выслушали мы попа и поехали, а под самым Орлом, где шел бой с красными латышами, мы с божьим благословением ударили по белой батарее, которую нам поручили заслонять, и скоро очутились у своих. Погнали мы деникинцев на юг. Работы много было. Только к весне я записался в коммунисты. И считаю, что никакой агитатор так ловко меня не просветил, как тот курский рыжий поп. Большое ему спасибо! Если бы можно карточку его достать,—достал бы и повесил.

— Вместе с попом?

— Можно и вместе!

И в караулке раздался взрыв смеха.

Е. Каменьщиков.

Агитпропщик и орготделец.

(Дружеский психологический этюд).

Агитпропщик—человек с содержанием, но формы этого содержания находятся не у него.

— Организационные формы—это оргчасть.

У агитпропщика для всех вопросов имеется „содержание". И не простое, а с комплексами и методами.

По части выступлений—агитпропщик мастак.

По любому вопросу и по всем сразу выступит и глазом не моргнет.

Что правда в его „содержании", а что от избытка самодеятельности—не всякий разберет.

Место агитпропщика в политотделе тоже особое:

— Это по части болтологии,—передайте в агитпроп.

В болтологию зачисляется все: тезисы, программы, комплексы, методы.

Все, что не похоже на „оргформу", зачисляется по штату болтологии.

Прямая противоположность агитпропщику—орготделец.

Эта противоположность полезная. Без нее—не жить бы нашим политотделам.

Если у агитпропщика содержание без формы, то у орготдельца форма без содержания. Ни по одному вопросу выступать не будет. А если выступит, то обязательно собьется, или будет рубить: „на основе вышеизложенного"—„в общем и целом". Одним словом—на язык слаб.

За то по части твердости—не воли, а головы—люди крепкие. Сказано: организация—значит, организация.

В голове все на своем месте. Рамочки там маленькие и вопросики, подогнанные по ним.

Вначале в этих рамочках и медок был, но, по времени, весь вытек. А рамки—сухие, пустые, без меда остались.

— Это по части схем и „выхолащивания"—передайте в орг,—они это разделают.

Сущность агитпропщика и орготдельца—художественно можно было-бы так изобразить:

— Агитпропщик—человек с красочным лицом. Яркие пятна. Импрессионизм.

— Орготделец—человек с „геометрическим" лицом. Треугольники, квадраты, параллелограмы—кубизм.

Лицо—схема.

По одежде тоже различны.

— Агитпропщик—носит брюки на выпуск, какую-нибудь рубашку и шлем.

— Орготделец—одет по форме, подтянут и выглядит „совсем военным".

А. Маевич.

„Рабочее правительство в своей внешней политике будет всегда следовать традициям Англии".

(Из речи Макдональда).

„Для нас интересы Франции стоят на первом месте и во имя их мы ничем не поступимся".

(Из речи Эррио).

Рис. К. Елисеева.

АЛЛЕЯ ПОБЕД.

„КРАСНОАРМЕЙСКИЙ КРОКОДИЛ".

В журнале принимают участие:

ХУДОЖНИКИ:

Б. Антоновский, Ю. Ганф, К. Елисеев, В. Иконников, Р. Г. Клинч, В. Козлинский, Н. Купреянов, Ив. Малютин, Д. Мельников, Г. Розе, К. Ротов. М. Черемных и др.

ЛИТЕРАТОРЫ:

Д. Актиль, А. Андреев, М. Андриевская, А. Архангельский, (Архип), Ал. Григорович, Грон, Н. Горбачев, С. Городецкий, Д. Долев, Евг. Дольский, П. Дружинин, Ник. Зарудин, Ал. Жаров, Ильф, Вал. Катаев, М. Крылов, М. Козырев, Г. Коренев, В. Лебедев, (Кумач), Б. Левин, А. Малышкин, А. Маевич, Л. Митницкий, С. Нельдихен, Л. Никулин, Ю. Олеша (Зубило), М. Пустынин, В. Регинин (Никита), А. Ракитников, Роман, Б. Самсонов, Л. Саянский, Свэн, К. Шелонский.

Страхи Митюхина.

Когда Ваську Митюхина призвали в Красную армию, тетка Перепетуя подняла вой на все село „Забодай корова".

Вой сейчас-же подхватила бабка Перепелиха. К ним за компанию присоединилась соседка Матрена. Их поддержала кулачиха Ведеркина. От скуки подхватила дьяконица Всехсвятыхвыносященская. Вступила в кошачий хор и самогонщица Агафья...

Через пять минут над обалдевшим и перепуганным Васькой Митюхиным голосили старухи, заливаясь на все лады:

— И куда-ы-ы тебя-а-а за-а-бира-а-ют?—На-а-а-всегды-ы-ы тебя-а угоня-а-ют! Громче всех почему-то голосила кулачиха Ведеркина:

— И за-амучат тебя-а енера-алы-ы-о-а-у-ы-ы!

— Какие генералы?—удивился Васька—У нас теперь нет генералов!

— Е-э-эсть, роди-и-имый! Большеви-и-ицкие-э-о-у! Зверю-у-ущие-э-э!.

Когда вой кончился, Васька пошел к пасечнику Вавиле посоветоваться.

— Дядя Вавила, ты—человек служивый, бывалый... Скажи—как со службой-то военной мне быть? Не очень страшно в новобранцах-то?

Вавила мотнул головой, свернул „собачью ножку" и медленно ответил:

— Ох, паря, страшно! Не приведи бог... Помню я свое новобранство. Давно это было, при царе. Погнали нас к воинскому начальнику. Там первым делом здоровенный писарь вышел и спрашивает:—„Кто больной"? Ну, я тогда хворый был, и назвался. Писарь размахнулся—да как хляснет по морде! Искры посыпались. „Теперь лучше? — спрашивает. „Лу... лучше!" А доктор тоже ткнул пальцем в шею и буркнул: здоров! Так и забрили.

— А потом,—спросил заинтересованный Васька,—в казарму? Там как?

— Также само. Встречал нас рыжий ундер. Первым делом дал по зубам. „Без этого, говорит, не полагается по закону. Какой ты есть солдат царский, ежели морда не битая"? Потом повели в казарму. Тут фитьфебель вышел:—„Здорово, новобранцы". А мы по-простецки:—„Здравствуй, дяденька"! Ну, незамедлительно—в зубы. „Какой я вам дядя"? Потом по чину били: подпоручик, поручик, штабс-капитан... так до самого генерала.

— Вот она, военная служба!—вздохнул Васька.—Эх, я несчастный! И чего это мать меня в 902-м родила! Не могла попозже...

— Обучали тоже с мордобоем и ругательством. Которые „старики" нас, новобранцев, прислуживать себе заставляли. Особливо—дядьки. Сапоги им почисть, кипятку принеси, кровать застели... А взводный даст, бывало, гривенник и приказывает: —„Купи мне фунт сала, два фунта колбасы, булку и принеси полтинник сдачи"! А не принесешь,—скоропостижно в морду получишь...

Долго рассказывал Вавила про военную службу. Васька чувствовал, что с каждым мигом страх все сильнее заползает в душу.

— Пропал! Ни за что—пропал!—думал он.—Загубят меня в армии-то...

В дорогу отправился Васька Митюхин, как на собственные похороны. Мысль об ужасах военной службы не давала покоя.

На сборном пункте вышел рослый человек в красноармейском шлеме. Осмотрел всех беглым взглядом и... подошел к Ваське.

— Вот, начинается! — подумал он, задрожав.—Сейчас в морду даст! Но подошедший неожиданно спросил мягко и ласково:

— Вы больны, товарищ? У вас очень бледное лицо.

— Нет... я так!... пробормотал Васька и зажмурил глаза от страха.—Сейчас в зубы двинет!

Но тот неожиданно дружески похлопал его по плечу и пошел дальше...

На вокзале новобранцев встречали с музыкой. Вперед вышел командир с громадными усами.

— Сейчас ругать будет!—подумал Васька.—И в рыло даст. Уж этот дядя не упустит!

Но... случилось иное. Командир обратился к новобранцам с теплым приветствием и назвал „дорогими товарищами". Потом повел их в казармы. Навстречу высыпали „старики".

— Сейчас прикажут сапоги им чистить!—решил Васька.—Потом велят на гривенник купить колбасы и принести полтинник сдачи...

Но и тут случилось другое. „Старики" потащили молодых к своим койкам, стали расспрашивать о деревне и угощать по-товарищески. В это время вошел здоровый красноармеец и грозно посмотрел на новобранцев.

— Фитьфебель—екнуло сердце у Митюхина.—Сейчас треснет!

— Товарищи,—грозно произнес вошедший,—приказываю я вам, на основании пролетарской дисциплины и международного положения, немедленно и без сопротивления итти... красноармейских щей отведать!!

Дружный смех был ответом на „грозную" речь... Обедал Митюхин прилежно, и выговора за плохое отношение к этому делу не получил. После обеда повели осмотреть клуб, где было уютно и светло. Вечером показывали представление: пели, танцовали.

— А когда-же бить будут? недоумевал Васька...

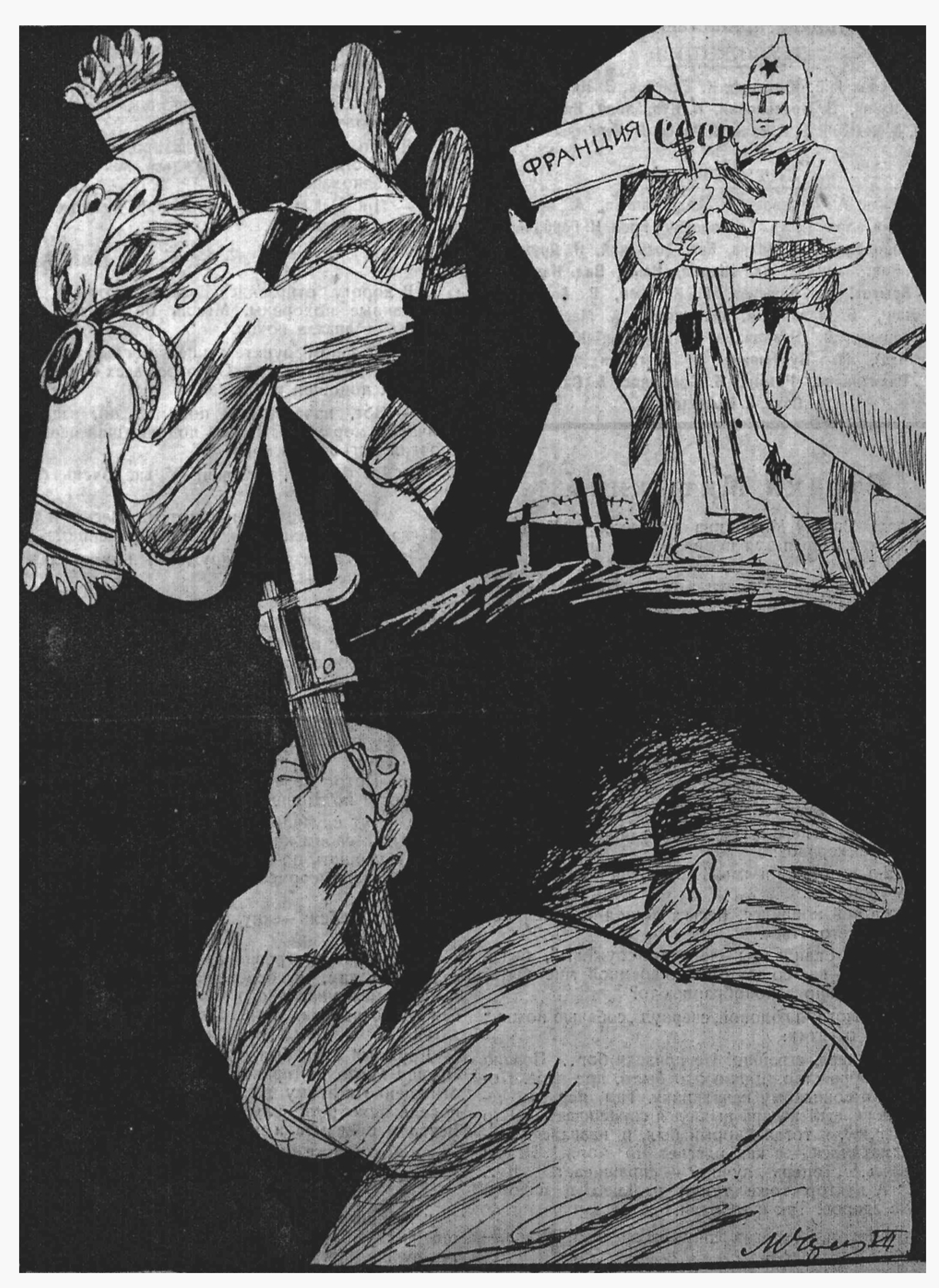
„...И еще поклон дяде Вавиле. Скажите ему, что теперь служба военная не та, что при царе была. Мне тут лучше, чем дома! Как мою неграмотность тут ликвидировали, то я на-днях ему напишу про все подробно. А которые бабы голосили надо мной, то объявляю по полку, что они—дуры, каковой предрассудок тоже надо ликвидировать. Прощайте, потому мне надо в караул. А тов. Троцкого я собственноручно видел, чего и вам желаю. Небезызвестный сын ваш.

Красноармеец Василий Митюхин".

Дм. Долев.

ВОЙНА ОБ'ЯВЛЕНА...

Рис. М. Черемных.

Издатель: газета „Красная Звезда". Редактор: Редакционная Коллегия.

Главлит № 20155 (Москва). Тип. „Пролетарий у Руля", Красная пл. 6. Ср. Т. Ряды, д. № 1. Тир. 20.000 экз.